

ИРИНА АЛЕКСЕЕВНА ИЗМЕСТЬЕВА

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Гуманитарно-педагогического института, Тольяттинский государственный университет (Тольятти, Российская Федерация)
iz-irina@mail.ru

РИТМИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕТОПИСНОЙ ПОВЕСТИ «О УБЬЕНЬИ БОРИСОВЪ»

Рассматриваются ритмические особенности летописной повести «О убьеньи Борисовъ», которые обусловлены жанрово-композиционным построением повести и идейно-содержательной стороной произведения. Ритмический рисунок определен тремя темами: событийной основой, нравоучениями и молитвенным напевом, которые переданы при помощи различных лексико-грамматических средств. Обращение к синтаксическому параллелизму и стилистической симметрии, однотипным грамматическим формам и звуковым совпадениям лексем позволяет создать грамматическую рифмовку текста, отразить мелодичный характер повествования. Следование канону и использование образных возможностей русской речи определяют языковые особенности складывающегося на Руси агиографического жанра.

Ключевые слова: ритм, синтаксический параллелизм, стилистическая симметрия, грамматическая рифма, звуковые совпадения, летописная повесть «О убьеньи Борисовъ»

История русского летописания рассматривается с разных точек зрения в многочисленных специальных трудах А. А. Шахматова, В. В. Виноградова, Д. С. Лихачева, М. Д. Приселкова, И. Н. Данилевского, И. С. Улукханова и других ученых. Неодинаковая интерпретация фактического материала и различная методика его анализа приводят к тому, что вопросы изучения русских летописей продолжают оставаться актуальными для исследователей. Большой интерес представляет ритмическая организация развивающегося в древнерусской литературе агиографического жанра. В цикл произведений, посвященных судьбе Бориса и Глеба, входят летописная повесть «О убьеньи Борисовъ» 1015 года, «Чтение о житии и погублении блаженную страстотрплицу Бориса и Глѣба» и «Сказание и страсть и похвала святыю мученику Бориса и Глеба». С опорой на труды по теории ритма М. Л. Гаспарова, М. М. Гришмана, В. М. Жирмунского, Б. В. Томашевского и других покажем, как древнерусская литературная традиция вырабатывает способы отражения мира, учитывая библейские приемы соотнесения действительности и ее литературного воплощения.

Сюжетно-образный строй повести «О убьеньи Борисовъ» (Лаврентьевская летопись, 6523 год) [3] обусловлен агиографическим характером текста, посвященного князьям-страстотерпцам, а идейно-композиционное построение повести определяет многоплановый ритмический рисунок. В произведении закономерно чередуются фрагменты трех типов: событийный ряд представлен четким динамичным ритмом с нарастающей напряженностью (преступный умысел, известие о готовящемся заговоре, убийство князей, убийство слуги, дальнейшая судьба убиенных [4]); замедленное повествование получают нравоучительные вставки и фрагмен-

ты, передающие оценку душевного состояния и поступков героев (Святополка, Бориса, Глеба, слуги Бориса); ритмически плавные части текста определены молитвенным напевом псалмов и заключительной похвалой в честь Бориса и Глеба.

Заданность ритма связана не только с сюжетно-композиционной, смысловой стороной произведения, но и лексико-грамматическими средствами языка. Динамика сюжетной линии определена тем, что при описании череды событий используется прием синтаксического параллелизма (Святополкъ же сѣде Кыевъ по ѡѣи своемъ · и сѣзва Кыяны и нача даяти имъ имѣнье...; рѣша же ѡему дружина... ѡнъ же ре^ч...; и приде Смоленску · и поиде от Смоленска яко зрѣмо · и ста на Смадинѣ в насадѣ... и др.). Отмечается грамматическая однотипность соседних синтаксических групп, в которых повтор слов передает быстрое развитие действия, лишенного эмоционального сопровождения, что позволяет передать фактическую сторону происходящего.

Этот прием применен и к фрагментам, передающим лирические отступления и поучения (Золь бо члѣвъ тѣша на злое не хужи есть бѣса · бѣси бо Бѣ боится · а золь члѣвъ ни Бѣ боится · ни члѣвъ са стыдитъ · бѣси бо крѣта са боятъ Гѣла · а члѣвъ золь ни крѣта са боить). Причем фрагменты поучений приближаются по своей организации к библейской языковой традиции, когда в параллельных конструкциях с повторяющимся рядом слов возникает градация, углубляющая значение слов. Так, поучение о злом человеке с помощью параллелизмов рисует нравственные ориентиры, выстраивает положительную и отрицательную модель поведения.

Псалмопение и молитва блаженного Бориса также отражают библейскую ритмическую традицию, связанную с обращением к Богу (Гѣи оуслыши, Гѣи ... на та оупова^x и спаси ма и ... избави

ма, Гѣ ...сподоби; и паки... и паки; яко стрѣлы ...яко азъ ...яко не оправдится ... яко погна ... яко послании ...яко обидоша), параллельные конструкции варьируют тему скорби и надежды, постепенно разясняя и углубляя ее. Градуальный синонимический параллелизм сочетается с анти-тетическим параллелизмом, когда подчеркивается противопоставленность поведенческих установок (мнози встають на ма ... язъ на раны готовъ).

Синтаксический параллелизм организован за счет использования однотипных грамматических форм (аориста, повелительного наклонения, неопределенной формы глагола): сѣде, сѣзва, нача, приде, ста; поиди, сади, не буди, буди; погубити, сложити, створити и др. Звуковые соответствия отражают внутреннюю грамматическую рифму (нападоша, насунуша, прободоша, избиша, усѣкнуша, снаша, пвергоша, не обрѣтоша; оувертѣвше, възложивше и под.), что также организует текст как единое ритмическое оформленное произведение. В событийной части повести, подчеркивая смену происходящих событий, синтаксически однотипные конструкции вопросно-ответной формы позволяют передать диалогичность речи (рѣш^а же ему дружина отна... — онъ же рѣ^т...; рѣ^т же Путьша с Вышегородыци... — онъ же рѣ^тимь...).

Большая нагрузка в синтаксически параллельных конструкциях принадлежит повторяющимся частицам (и, же, бо и др.), которые выполняют текстообразующую функцию и, как подчеркивает В. В. Колесов, выступают как клитики, которые оттягивают на себя ударение с соседних полнозначных слов, «обеспечивая ритмическое единство формулы» [1: 626]. Событийный ряд связан с частицей *же* (Сватополкъ же сѣде, они же приимаху, Борису же възвратившюся сѣ вои, онъ же рѣ^т, Борисъ же стояше, Сѣтополкъ же приде и др.). В. В. Колесов отмечает, что повторяющиеся частицы выступали в качестве своеобразной «скрепы» словоформ в устойчивой речевой формуле, «не претендуя при этом на существенность семантического или грамматического статуса» [1: 617]. Однако в разных фрагментах текста отмечается строго закономерное использование частиц: *же* преобладает в событийной части текста, выделяя поступки героев; частица *бо* функционирует в тех частях, в которых содержится оценка поведения и душевного состояния героев (и плакаса по ѿци велми· любимъ бо бѣ ѿѣмъ своимъ паче всѣхъ; ѿ саковыхъ бо Солом[он]ъ рѣ^т· скоры суть пролити кровь бес правды· ти бо обѣщаются крови·сбирають собѣ злая·сихъ путье суть скончавающѣ·беззаконь·нечестьемъ бо свою дѣшу емлють; слышаша блѣжнаго Бориса поюща заоутреню бѣ бо ему вѣсть оуже яко хотать погубити и; бѣ бо се любимъ Борисомъ; сици бо слоугы бѣши бывають, бѣши бо на злое посылаеми и др.). Повтор союза *и* (и помолвившюся ему возлеже ... и се нападоша ... и насунуша ... и прободоша) передает постепенное нарастание напряжения и развязку событий в повествовательной части текста. Вставки из псалмов и похвала не содержат таких повторяющихся средств ритмизации текста.

Промежуточные строки оценочной части повествования отличают плавность и замедленность, которые создаются за счет включения в текст причастий настоящего и прошедшего времени (и плакаса по ѿци велми· любимъ бо бѣ ѿѣмъ своимъ паче всѣхъ· и ста на Лѣтъ пришедъ (Борис); Сѣтополкъ же исполнивша беззаконь· Каиновъ смыслъ приимъ· посылая к Борису глѣше; бѣ бо се любимъ Борисомъ (Слуга)) и повторяющихся предложно-падежных форм (съ праведными, съ прѣкы и агѣлы, с лики, съ агѣлы; оу брата своего Бориса· у цркви ста· Василья; плачаса по ѿци· паче же по братѣ). Так, с помощью однотипных морфологических форм уточняются душевное состояние и детали поведения героев, передана нравственная сторона совершенных поступков.

В оценочной части отмечается явление стилистической симметрии, «когда об одном и том же в сходной синтаксической форме говорится дважды» [2: 418]. Лексический повтор антонимов в параллельных конструкциях семантически и ритмически усиливает противопоставление ангелов и бесов (бѣси бо на злое посылаеми· бывають агѣлы на блѣое посылаеми· агѣлъ бо члѣку зла не створаетъ· но блѣое мыслить ... хѣяномъ помагаютъ и заступають ... а бѣси на злое всегда ловать...) В таком антитетическом параллелизме противопоставления связаны с основным содержанием повести и отвечают ее идейному замыслу.

Молитвенные фрагменты текста подготавливают трагический исход событий, выделяя главную мысль в ходе развития сюжета, которая затем обобщена в конце повести в виде похвалы князьям-страстотерпцам. Ритм молитвы Бориса определен обращением к Богу, повторами глагольных форм повелительного наклонения (Гѣ оуслыши, и не вниди, и избави мя, и мене сподоби прияти, и не сотвори ѿму), которые создают образ сильной личности, готовой к испытаниям. Молитвенный ритм обращения Глеба к Богу о себе и брате эмоциональный, неровный, текст содержит вопросительные предложения и предложения с условными конструкциями с союзом *аще*. Обращение имеет кольцевую композицию, повтор восклицания о готовности принять участь брата (луче бы ми умрети съ братомъ· нежели жити на свѣтѣ семь) усилен определением (въ свѣтѣ семь прелестнѣмъ), отсутствие частицы *ли* переводит завершающее восклицание из плана сомнений и вопросов о дальнейшей судьбе в план окончательно сделанного выбора (луче бо ми было с тобою жити· неже въ свѣтѣ семь прелестнѣмъ).

Заключительный фрагмент повести содержит похвалу братьям. Ритм задают девять анафорических восклицаний (радуйтася, стрѣца Хѣа..., радуйтася, нбѣная жителя..., радуйтася, Борисе и Глѣбе бѣмѣрая и др.). В каждой части, соответствующей этим восклицаниям, используется грамматическая рифмовка: употребление форм двойственного числа настоящего времени глаголов (подаста, обиходита, просвѣщаста, покорита, сподобита), аориста (явистася, сподобистася, наслѣдоваста), использование форм прилагательных (нбѣная жителя, едино-

мысленная служителя, Борисе и Глебе боѣдѣра, воды живоносныя, свѣтилника предобрая, заступника теплая, хоблюбивая стрѣца и др.) и причастий (приходящи^м, стражующимъ, ѡзаряюща, отгоняща, просвѣщающа, напаяюща, ицѣляюща и др.), которые дают образную характеристику братьев, конкретизируют, разъясняют и развивают добродетельные качества, тем самым усиливают эмоциональное воздействие текста.

Ритмичность достигается также звуковыми совпадениями (жителя – служителя, единообразна – единопѣйна, свѣтозарна – свѣтилъ – свѣтилника – свѣтоносная – свѣтъ – свѣтилъ, свѣтилника – заступника – стрѣтника и др.) и однотипно построенными предложениями с причинно-следственной связью (используются союзы *яко*, *яже*: *яже исцѣленье подаеа... яко потока... истѣкають, яко свѣтилъ ѡзаряюща... яко вса напаяюща стрѣца...).*

В восклицаниях обнаруживается внутренний параллелизм по принципу хиазма, на который обратил внимание Р. О. Якобсон [5], – в одной части предложения прилагательные следуют за существительным, а в следующей части предшествуют ему, и наоборот: *нбѣая жителя, единомысленная служителя – верста единообразна, стѣмъ единопѣйна; Борисе и Глѣбе боѣдѣра, воды живоносныя – вѣрны^м людемъ на ицѣленье; [луча] свѣтозарна, вѣроу неуклонною – лукаваго змия поправша и др. Такая повторяющаяся соотношенность эпитетов делает похвалу ритмически уравно-*

вешенной и плавной. Семантическое усиление текста создается за счет стилистической симметрии, при которой синонимические средства расширяют, уточняют мысль, придавая ей символическое значение: свѣтилъ звѣздѣ заутра въсходящии; вѣроу и любовью; единомысленная – единообразна – единопѣйна; боѣдѣра – яко... воды живоносныя; луча свѣтозарна и яко свѣтилъ ѡзаряюща всю землю Русьскую; красны^х всѣхъ наслѣдоваста в нбѣмъ жити славу и райскую пищу и свѣтъ разумны красны радости; каплами кровными стѣми ѡчервивша баграницю – земля бо [Руска] блѣвса ваю кровью; в мѣстѣхъ златозарныхъ в селѣхъ нбѣныхъ в славѣ неовадающеи и др. В целом похвала, отражая основные нравственные выводы, отличается богатством ритмического оформления.

Таким образом, летописная повесть «О убьении Борисовъ», отталкиваясь от бытующих агиографических традиций и следования канону на разных уровнях текста (идейно-композиционном, стилистическом и символическом), использует устойчивые лексико-грамматические средства языка. Ритмическая упорядоченность на основе параллелизма (на грамматическом, семантическом и фонемном уровнях) определена идейным замыслом, организует динамическое взаимодействие всех фрагментов текста и отражает не только мелодику русской речи, но и особенности языкового сознания древнерусского человека, в котором происходит борьба за нравственные христианские ценности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Колесов В. В. История русского языка. СПб.: Академия, 2005. 672 с.
2. Лихачев Д. С. Стилистическая симметрия в древнерусской литературе // Проблемы современной филологии: Сб. ст. к семидесятилетию академика В. В. Виноградова. М.: Наука, 1965. С. 418–422.
3. Полное собрание русских летописей: В 43 т. Т. I: Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 132–139.
4. Сошнева Н. А. Роль мотивов «Повестей о княжеских преступлениях» в композиции «Чтения о Борисе и Глебе»: к проблеме межжанровых взаимосвязей // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 16 (307). Филология. Искусствоведение. Вып. 78. С. 110–114.
5. Якобсон Р. Грамматический параллелизм и его русские аспекты // Якобсон Р. О. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. С. 99–132.

Izmet'eva I. A., Togliatty State University (Togliatty, Russian Federation)

RHYTHMICAL FEATURES OF CHRONICLES “ON BORISOV’S MURDER”

Rhythmical features of the chronicles “On Borisov’s Murder” are closely examined. The features in focus are characterized by the presence of several genres both in the structure of this narrative and in the ideologically substantial part of the composition. The rhythmical picture is defined by three themes: an event driven plot, preaching and prayer chants, which are conveyed with the help of multiple lexical grammatical means. References to syntactic parallelism and stylistic symmetry, grammatical forms of the same type, and lexemes identical in sounds helped to create the grammatical text rhyme and reflect the melodic mood of the narration. Devotion to canons and the use of the Russian language figurative potential define characteristics of the developing hagiographic genre of “Rus”.

Key words: rhythm, syntactic parallelism, stylistic symmetry, grammatical rhyme, sound matching, chronicles “About the killing of Borisov”

REFERENCES

1. Kolesov V. V. *Istoriya russkogo yazyka* [History of the Russian language]. St. Petersburg, Akademiya Publ., 2005. 672 p.
2. Likhachev D. S. Stylistic symmetry in ancient Russian literature [Stilisticheskaya simmetriya v drevnerusskoy literature]. *Problemy sovremennoy filologii: Sbornik statey k semidesyatiletiyu akademika V. V. Vinogradova*. Moscow, Nauka Publ., 1965. P. 418–422.
3. *Polnoe sobranie russkikh letopisey: V 43 t. T. I: Lavrent'evskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles: In 43 vol. Vol. I: Laurentian Chronicle]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1997. P. 132–139.
4. Sochneva N. A. The role of the motives in “The novels of royal crimes” in the composition “The Tales about Boris and Gleb”: on the problem of the inter genre relationship [Rol' motivov “Povestey o knyazheskikh prestupleniyakh” v kompozitsii “Chteniya o Borise i Glebe”: k probleme mezhzhanrovyykh vzaimosvyazey]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskuststvovedenie* [Chelyabinsk State University Herald. Philology. Arts]. 2013. № 16 (307). Issue 78. P. 110–114.
5. Yakobson R. Grammatical parallelism and its Russian aspects [Grammaticheskiy parallelizm i ego russkie aspekty]. *Yakobson R. O. Raboty po poetike*. Moscow, Progress Publ., 1987. P. 99–132.

Поступила в редакцию 22.03.2016